

УДК 82-3+81-26

«НЕБЕСНАЯ АТЛАНТИДА» К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Е.М. Мартынова

Доктор филологических наук, доцент, сотрудник
e-mail: lm1973@mail.ru

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

Статья посвящена исследованию изображения облаков в пейзажном дискурсе К.Г. Паустовского. В произведениях писателя облако выступает в роли метеознака и художественного концепта. Оно выполняет синоптическую, эстетическую и символическую функции. В процессе исследования были отобраны и проанализированы параметрические и оценочные дескрипции облаков, выявлены и категоризированы тропеические средства их репрезентации, установлены и классифицированы случаи использования облаков в качестве аэрообразов. В работе нашла отражение проблема интермедиальности в творчестве К.Г. Паустовского.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, облако, пейзажный дискурс, эпитет, метафора, экфрасис.

Введение

Небо – безбрежное, бездонное, недостижимое, необъятное... Его простор и недосыгаемость характеризует значительное количество эпитетов. В представлении людей небо сочетает в себе материальное и духовное, божественное и фантазийное, привлекает своей красотой и изменчивостью. Однако британский писатель Г. Претор-Пинни напоминает нам, что мы живем не под небом, а в небе, в атмосфере, и сетует, что мы уделяем ему недостаточно внимания [Pretor-Pinney 2019].

Видимыми небесными объектами являются солнце, луна, звезды, и, конечно, облака. Интерес к теме облаков в живописи и литературе огромен. Притягивает взгляд небо на полотнах представителей Золотого века голландской живописи Арта ван дер Нера (например, «Замерзшая река с пешеходным мостом»), Саломона ван Рёйсдала («Вид на Девентер с северо-запада»), Якоба ван Рёйсдала («Мельница около Дюрстедде») и др. Небо выступает главным персонажем картин французского художника XIX века Альфреда Сислея («Наводнение в Пор-Марли», «Фабрика в Севре» и др.). «Облака – тела без поверхности» – это утверждение французский искусствовед Ю. Дамиш заимствует из записных книжек Леонардо да Винчи [Damisch 2002]. Анализируя его интерпретацию размышлений великого художника по поводу восприятия поверхности предметов, А.В. Марков указывает, что во французской традиции принято считать, что «всякое зрение деформирует предметы» [Марков 2011].

Различные техники применяли в изображении неба два выдающихся английских пейзажиста: баталист и маринист, интеллектуал и экспериментатор, на много лет опередивший свое время, Уильям Тёрнер («Рыбаки в море», «Большой канал в Венеции» и др.) и романтик Джон Констебл («Уивенхо-Парк, графство Эссекс», «Белая лошадь у пруда» и др.), которого по праву называют одним из величайших живописцев облачных пейзажей XIX века. По утверждению исследователя кинематографии и медиа Дж. Д. Петерса, облака Констебла стали великолепным результатом изучения цвета, настроения, света, ветра, капризов неба [Peters 2015: 258]. Ученый отмечает, что объемные многоцветные формы облаков отрицают правила перспективы. Их «атмосферная» логика бросает вызов логике сетки, но некоторые выдающиеся полотна, например, кисти Якоба ван Рёйсдала, объединяют обе логики. В этой связи облака представляют собой тест на способность написать то, что написать невозможно [Peters 2015: 256].

Мастерски выписывали облака великие русские художники XIX века И.К. Айвазовский («Девятый вал», «Кронштадт», «Облако над тихим морем» и др.), А.И. Куинджи («Облако», «Лунная ночь на Днепре» и пр.), И.И. Левитан («Над вечным покоем» и т. д.), И.И. Шишкин («Облачный день» и т. д.), представители советского периода в живописи А.А. Рылов («В голубом просторе»), А.М. Герасимов («Большак», «Зеленая рожь»), Г.Г. Нисский («Радуга») и др.

Фотографически точны облака на картинах современного канадского художника-самоучки Ренато Мучилло.

Когда на пейзаж обратила внимание литература, именно облака стали первым объектом вербального изображения [Peters 2015: 259].

Относя облако к универсальным культурным символам, В.И. Абрамова и Ю.В. Архангельская установили следующие его значения, характерные для русской культуры: божественные сущности, границы между мирами, образы скорби и уныния, бесформенные и неуловимые сущности, мечты и фантазии и т.д. [Абрамова, Архангельская 2020: 4]. О. Матич также подчеркивает метаморфичность облаков и метафоричность их живописного и вербального воплощения. Посвятив свою работу сопоставлению изображения и трактовок облака в искусстве и литературе, в плане вербальной реализации данного образа автор концентрирует свое внимание на его связи с мыслью [Матич 2011]. Дж. Д. Петерс, напротив, утверждает, что в живописи, в отличие от литературы, облака не служат ни знаком, ни символом, являя собой проблему непредставимого. Он приводит пример голландской живописи семнадцатого века, в которой «процветали» облака, потому что они ничего не изображали и были безопасным объектом живописи [Peters 2015: 257].

Примеры тропеизации образа облака в литературе бесчисленны. В поэме «Облако в штанах» В. Маяковского облако – это он сам, нежный и

ранимый мужчина-романтик; от имени бывшего политзаключенного, двадцать лет отсидевшего в лагерях и реабилитированного, А. Галич отождествляет облака в одноименном стихотворении со свободой и памятью; крик облаков в стихотворении С. Наровчатова «Облака кричат» олицетворяет горе сожженной войной деревни; «изваянья существованья без рубежа», «слепок с небытия» – это облака И. Бродского; в фильме «Облачный атлас», снятом по одноименной книге британского писателя Д. Митчелла, облака – это метафора плывущих сквозь время и постоянно трансформирующихся человеческих душ.

Художественная репрезентация облака подвергается анализу в немногочисленных современных научных исследованиях. Так, Н.А. Афанасьева обосновывает параллелизм образов *грозы* и *облака* в мире мифологическом и в мире поэтическом [Афанасьева 2019]; Н.И. Юрикова исследует концептуальную персонификацию облаков в творчестве Г. Гессе [Юрикова 2008]; значения метеонима «облако» подробно обсуждаются в статье Л.А. Соколовой и Ф.Ф. Фархутдиновой [Соколова, Фархутдинова 2014].

Ученые выделяют разнообразные характеристики облаков: бесформенность, отсутствие четких границ, переменчивость, ненадежность [Hamblyn 2017], неопределенность, пустоту, мобильность, непостоянство [Jacobus 2012: 11], мимолетность, безграничность [Peters 2015: 256]. Помимо метеорологической значимости облаков, британский писатель-эколог Р. Хэмблин отмечает их культурную и эмоциональную ценность, указывая, что «они простираются далеко за пределы своих скоротечных атмосферных жизней» [Hamblyn 2017]. По мнению исследователя, жизнь без облаков была бы невыносимой, умственно и духовно ограниченной, поскольку они служат бесконечным источником творческого созерцания [Hamblyn 2017]. Называя облака «барометром чувств» [Jacobus 2012: 13], британский литературовед М. Джейкобус сравнивает его с настроением, таким же изменчивым, бесформенным и принимаемым как должное [Jacobus 2012: 11]. В свою очередь Р. Хэмблин видит в облаках магический экран, на котором проецируются мечты, идеи, мифы, легенды [Hamblyn 2017]. Согласно манифесту «Общества любителей облаков», основанного в 2004 г. Г. Претором-Пинни, облака – это «чистая поэзия Природы», воплощающая идеи равенства (поскольку ими может любоваться каждый) и благотворно влияющая на душу [Претор-Пинни 2015: 12].

Материалы и методы

Константин Георгиевич Паустовский, в разное время работавший санитаром, журналистом, рабочим на заводе, рыбаком, военным корреспондентом, был известным путешественником и писателем-натуралистом. Его творчество остается актуальным и по сей день,

поскольку сочетает в себе черты научного и художественного подходов к изображению явлений природы, восхищает подлинностью чувств и точностью образов. Методы сплошной выборки, контекстуального, дефиниционного и лингвостатистического анализа выявленных дескрипций позволили определить, что в пейзажном дискурсе К.Г. Паустовского облако выступает в качестве *метеознака* и *художественного концепта*. Во время своих странствий К. Паустовский научился распознавать настроение природы с помощью разнообразных признаков, в том числе формы, плотности, цвета облаков. Однако он не ограничился простой фиксацией этих качеств, а украсил свои зарисовки сравнениями и метафорами.

Результаты

Форма. Наряду с качественными прилагательными *кучевые* (наиболее репрезентативны – 8 упоминаний), *слоистые* (*тяжелослоистые*) (2), *перистые* (1 + *перья* (2)), которые приняты в научной категоризации облаков, для описания их конфигурации писатель привлекает следующие эпитеты: *круглые* (2), *волнистые*, *кудрявые*, *курчавые*, *пушистые*, *пухлые*, *пышные*, *выпуклые*, *многоярусные*. К.Г. Паустовский, как и представители французской школы живописи, считает, что «эти формы им сообщает наше человеческое воображение» [Паустовский: 6: 590].

Размещение в пространстве. Вербальные средства оценки этого параметра включают атрибутивы *высокие* (3), *низкие* (3), *далекие* (1), а также глагольные лексемы *волочиться* (*волочившихся по озябшей земле* [Паустовский: 3: 563]), *касаться* (*почти касались земли, почти касались верхушек берез* [Паустовский: 3: 607]), *цепляться* (*зацепившись за вершины* [Паустовский: 4: 70]), *цепляются за вершины сосен* [Паустовский: 6: 479], *цеплялись за вершины холмов* [Паустовский: 4: 328]).

Вес облаков характеризуется качественными прилагательными *легкие* (9), *тяжелые* (1). Легкость ассоциируется у писателя с туманом и дымом. Тяжесть коррелирует с тучами – подвидом облаков, приносящим осадки.

Величина. Облака К.Г. Паустовского поражают своими размерами: *громады* (12), *нагромождение*, *громоздилось*, *исполинское* (2), *гигантское*. Маленькое облако встречается лишь однажды (*маленькое, как перо, потерянное сойкой* [Паустовский: 6: 426]). Небольшие габариты также обозначаются диминутивом *облачко*.

Плотность. Этот параметр представлен трехчленной оппозицией *плотные* (*тугие* (3), *густые*, *толща*) – *рыхлые* – *тонкие* (6) (*тончайшие*, *прозрачные*).

Влажность описывается традиционной антонимической парой *сухие* (4) – *сырые* (*пропитанные влагой* [Паустовский: 2: 14], *насыщенные росой* [Паустовский: 3: 507]).

Протяженность. Для обозначения непрерывности облаков К.Г. Паустовский использует субстантивные лексемы *пелена* (2), *стена* (2), *скатерть* (1), глагольные лексемы *затягиваться* (*небо затянулось облачной скатертью* [Паустовский: 6: 300]), *протягиваться* (*протянулась от одного края горизонта до другого* [Паустовский: 3: 476]), атрибутив *длинные* (3). Прерывистость изображается лексемами *кочья* (2), *лохмотья* (1), *космы* (1), *рваные* (1).

Цвет. Облака не излучают свет сами по себе, однако в солнечных лучах они приобретают и свет, и цвет. В колористике облаков К.Г. Паустовского преобладает кластер розового цвета. Он представлен лексемами *розовый* (16) (*розоватые* (1)), *розоветь* (1) (*розовеющие* (2), *розовея* (1)) и сложным прилагательным «*розовоперстая*». Кроме того, розовый цвет не называется, но передается опосредованно с помощью дескрипций *жаркий румянец* и *подрумяненные*.

Практически таким же частотным, как розовый, является белый цвет. Его кластер репрезентируется прежде всего цветовой доминантой – лексемой *белый* (15), а также прилагательным, содержащим в себе натурморфное сравнение – *белоснежный* (3) (*будто только что вылепленных из свежего белейшего снега* [Паустовский: 7: 235]).

Поле серого цвета инкорпорирует лексемы *серый* (4), *пепельный* (4), *серебряный* (2).

Значительно реже для обозначения цветовой характеристики облаков автор употребляет лексемы *желтый* (4) (*желтоватый* (2)); *синий* (3) (*синеватый* (2), *посиневший* (1)); *разноцветный* (5); *золотой* (2) (*золото* (2), *золотеть* (1)); *грязный* (т.е. *серовато-мутный*) (3); *красный* (1) (*красноватый* (1)), *багровый* (2); *черный* (2); *аспидный* (т.е. *черно-серый*) (1).

Светономинации задействуют следующие глагольные лексемы: *вспыхивать*, *гореть* (*загораться*, *разгораться*, *догорать*), *блистать*, *светиться*, *сиять*, *сверкать*, *тлеть*, *гаснуть*.

Свет получает атрибутивы, отображающие разную степень насыщенности: *снежный свет* [Паустовский: 7: 161], *тихое сияние* [Паустовский: 6: 588], *смутный блеск* [Паустовский: 7: 326], *слабый свет* [Паустовский: 6: 345], *пульсирующий нежнейший свет* [Паустовский: 7: 505], *бриллиантовый* (т.е. *сверкающий*) *пар* [Паустовский: 1: 539], *темные* [Паустовский: 3: 221].

Выбор писателем приведенных выше цвето- и светономинаций отражает восхищение и любование автора облаками. В повести «Кара-Бугаз» К.Г. Паустовский предполагает, что «их поставили здесь нарочно,

чтобы показать на них все разнообразие вечерних красок» [Паустовский: 1: 458].

Настроение. Помимо физических характеристик, писатель наделяет облака настроением. Облака видятся ему как *праздничные, нарядные, скромные, радостные, торжественные.*

Дескрипции облаков также могут отражать временной фактор их появления: *вечерние (2), закатные (1).*

Квантитативный параметр представлен трехчленной оппозицией множественность – бинарность – единичность, при этом превалирует первый элемент. Обилие облаков изображается субстантивными лексемами *гряда (4), вереница (3), рябь (3), хоровод (2), армада (2), чреда (1), цепь (1), стая (1), отара (1), свита (1), мешанина (1)* и глагольной лексемой *толпиться (1)*. Попытки писателя посчитать их оказались безуспешными (*Я как-то начал их считать, насчитал двести и бросил. У меня зарябило в глазах* [Паустовский: 4: 158]).

Два облака появляются в пейзажном дискурсе только однажды: *И только два облачка стояли в вышине, столкнувшись друг с другом на просторной небесной дороге* [Паустовский: 7: 25].

В единственном числе облако достаточно редкое явление. Оно репрезентируется атрибутами *одинокое, одно-единственное, последнее.*

Воображение писателя приписывает облакам даже способность издавать какие-то звуки (*Я слышал – не смейтесь! – я отчетливо слышал, как облака звучали над землей* [Паустовский: 1: 54]).

Особое отношение у К.Г. Паустовского к звуку облаков в военное время. И это единственный случай, когда писатель проявляет к ним антипатию: *Весь день облака гудели низким много моторным ревом. Впервые тогда я почувствовал неприязнь к этим облакам, к закату солнца и грозovým тучам – ко всему, чем пользовались черные немецкие «фокке-вульфы», чтобы незаметно подходить к нам и обрушивать на землю свистящие бомбы* [Паустовский: 7: 324].

Обсуждение результатов

Метафорика облака в произведениях К.Г. Паустовского впечатляет своим богатством и многогранностью. Согласно предложенной ранее в [Мартынова 2018] типологии образов, передаваемых с помощью тропических средств языка, выделяются антропоморфы, зооморфы, фитоморфы, натурморфы, реаморфы, гемоморфы, глуттоморфы. Добавим к этому списку асомаморфы (*англ. asomatous – бестелесный*) или нематериальные морфы.

В «облачном» дискурсе К.Г. Паустовского наиболее репрезентативны реаморфы, т.е. вещественные образы, связанные с

1) городами и городскими постройками: *средневековые города кучевых туч* [Паустовский: 2: 14], *похожи на средневековые города с*

крепостными башнями, соборами, базиликами, триумфальными арками [Паустовский: 4: 468], башни (2) кажутся древними, средневековыми [Паустовский: 7: 399];

2) кораблями и орудиями на их борту: армады (2) (армады облаков, несущихся по старинному небу на всех парусах к счастливой Аркадии [Паустовский: 7: 245]), парусные корабли [Паустовский: 6: 50], облака с синими днищами [Паустовский: 4: 105]; ядра маленьких облаков. Было похоже, что невидимые корабли выбрасывали их из старинных бронзовых пушек [Паустовский: 5: 61]);

3) ватой (6) (ср. похожие на рваную вату [Паустовский: 2: 18], грязную вату [Паустовский: 3: 41], жгут грязной ваты [Паустовский: 5: 219]); ватные [Паустовский: 7: 397]);

4) волокнами, пряжей, тканью: пряди (4) (ср. похожи на тонкие пряди шелка-сырца [Паустовский: 2: 559], длинные туманные пряди [Паустовский: 3: 232], тонкие пряди облаков [Паустовский: 5: 42]), длинные, как пряжа [Паустовский: 2: 394], похожее на пух [Паустовский: 6: 255], тюлевою мглу облаков [Паустовский: 6: 592];

5) инструментами: похожую на наковальню [Паустовский: 3: 611].

Натурморфы, природные образы, представлены сравнениями с дымом (11) (подобные низкому дыму [Паустовский: 3: 429], загадочен был дым облаков [Паустовский: 5: 270], тонкий дым облаков [Паустовский: 6: 142], курились [Паустовский: 7: 80], дымилась [Паустовский: 7: 80]); материками (3) (облачного материка, небесной Атлантиды [Паустовский: 6: 570]); паром (2) (как бриллиантовый пар [Паустовский: 1: 539]); архипелагами (2); горами (похожие на горы розового снега [Паустовский: 6: 138]), морем (2) (курчавое море облаков [Паустовский: 7: 202], облачный вал [Паустовский: 4: 586]); лучами (длинные и прямые, как лучи [Паустовский: 2: 558]).

Облака могут являться единственным украшением моря, они оживляют его простор [Паустовский: 4: 468].

В зооморфных метафорах, в основном, фигурируют птицы (4) (похожим на крыло серебряной птицы [Паустовский: 4: 358], похожи на оперение исполинской птицы [Паустовский: 7: 505], как перо, потерянное сойкой [Паустовский: 6: 426], лебединые [Паустовский: 6: 587]) и рыбы (3) (летучих рыб, заснувших в зеленоватом небе [Паустовский: 2: 14], чешуей золотела [Паустовский: 6: 101], облаков-чешуек [Паустовский: 6: 503]). Зооморф отары [Паустовский: 2: 564] наводит читателя на ассоциацию со стадами овец, а лексема стая [Паустовский: 2: 14] может относиться к любым видам животных.

Фитоморфные образы базируются на сходстве облаков с кистью [Паустовский: 2: 78] или гроздьё винограда [Паустовский: 6: 469], кистью сирени [Паустовский: 6: 136], грибом [Паустовский: 3: 82], лепестком [Паустовский: 5: 168], кущами исполинского сада [Паустовский: 6: 134].

Ассоциация со Средневековьем, проявившаяся в реаморфах, фиксируется и в антропоморфе *похожее на голову рыцаря в забрале* [Паустовский: 5: 394].

Частично *антропоморфизм* и *зооморфизм* отмечаются в выборе глагольных лексем. Облако проходит все стадии своего жизненного цикла: 1) рождение: *рождались, рождение*; 2) рост: *распухла, разрастались*; 3) подъем: *подымались, рвались (ввысь, вверх, к зениту)*; 4) движение с разной скоростью: *ползли; шли (проходили, уходили); плыли (плавали, медленно переплывали, наплывали, уплывали); быстро бегут (бежали); (быстро, величаво) неслись/проносились, уносились; пролетают (2) (полет, летучие), взлетающих; катится*; 5) отсутствие движения: *останавливались, стоят (стояли, стоя) (6), прилипнув к этому сухому небу, не двигаясь с места; висели (5) (висят, повисло, висящих, нависали); лежали (4); застыли (застывших) (2), неподвижные, задумавшиеся, уснувшими*; 6) исчезновение: *таяли (тают) (2), растворялись*.

Релевантен единственный *асомаморф* – *небесная азбука Морзе* [Паустовский: 2: 16], который К.Г. Паустовский вкладывает в уста персонажа повести «Черное море» метеоролога Юнге.

Единичен также кулинарный *глюттоморф* – *похожие на пышно взбитый белок* [Паустовский: 4: 568].

Мотив сказочности, праздничности, волшебства облаков красной нитью проходит через все творчество К.Г. Паустовского. Семантическое пространство художественного концепта «Облако» включает в себя семы «счастье», «покой», «истома». В представлении К.Г. Паустовского «в состав счастья входит и состояние беззаботности, отсутствие самых ничтожных тревог» [Паустовский: 5: 161]. Обретению такого расположения духа способствует созерцание облаков: *В уровень с глазами будет качаться вода и будут лежать на этой воде облака, длинные, как пряжа. Не это ли счастье?* [Паустовский: 2: 394].

Писатель называет облака *образчиком умиротворяющей красоты, отвлечением, врачующим сердце* [Паустовский: 5: 103], от них исходит *мирный свет и тишина* [Паустовский: 7: 210], они источают *полуденный покой* [Паустовский: 3: 245]. Лирическому герою хочется *лечь на край такого облака и плыть над степью* [Паустовский: 6: 308], даже чужестранцы грустят по российским облакам [Паустовский: 5: 501]. Истому автор определяет как состояние, «когда вы лежите в теплом утреннем лесу и смотрите на бесконечные цепи облаков» [Паустовский: 3: 378].

В повестях «Черное море» и «Золотая роза» К.Г. Паустовский рассказывает о жизни своего коллеги Александра Грина, который разделял его любовь к облакам. Прожив жизнь в нищете, неудачник Грин «не замечал окружающего и жил на облачных, веселых берегах» [Паустовский: 2: 152]. К. Паустовский приводит слова еще одного любителя облаков,

французского писателя Жюль Ренара, которые могли бы охарактеризовать А. Грина: «Моя родина – там, где проплывают самые прекрасные облака» [Паустовский: 3: 360]. Кроме того, автор пересказывает поверье рыбаков Нормандии, согласно которому «облака, проходя над странами, приобретают их точные очертания» и человеку, оказавшемуся на чужбине, «выпадает счастье увидеть свою вторую, облачную родину, плывущую высоко, в солнечном сиянии неба» [Паустовский: 2: 300].

На сказочный лад писателя настраивают *невучая сила стихов, высокий парк, столетние липы и небо, где плыли облака* [Паустовский: 4: 39]. В облаках героям К.Г. Паустовского видится *сказочная* [Паустовский: 2: 534], *волшебная* [Паустовский: 3: 286] страна. С другой стороны, автор отмечает равнодушие облаков и природы в целом к человеческим страданиям и горю [Паустовский: 7: 244], противопоставляет их безмятежность человеческой жестокости [Паустовский: 5: 263].

Облака неоднократно используются автором в прямом и переносном значении в качестве аэрообразов. В художественном дискурсе К.Г. Паустовского встречаются *облака табачного дыма* [Паустовский: 4: 48], *пыли* [Паустовский: 4: 166], *гнуса* [Паустовский: 7: 82], *шрапнели* [Паустовский: 4: 333], *нежнейшего розового пара* [Паустовский: 4: 445], *сирени* [Паустовский: 7: 238], *чаек* [Паустовский: 7: 301]. В переносном значении облака обнаруживают сходство как с материальными объектами: одеждой (*легкое розовое облачко – старенькое платье Сюзанны* [Паустовский: 3: 168]), горами (*висели, как облака, нагромождения снежных вершин* [Паустовский: 5: 381], *пылал Эльбрус, как облака над морем* [Паустовский: 6: 49]), небесными светилами (*луна (...) казалась розовым облаком, занесенным на головокругительную высоту* [Паустовский: 6: 93]), животными (*ягнят, похожих на мелкие облака* [Паустовский: 5: 257]), так и с нематериальными сущностями: стихами (*стихи, легкие и взлетающие к небу, как облака над вершинами гор* [Паустовский: 3: 656]), прошлым (*И как сквозь мглу этой тучи уже нельзя различить зеленые пригорки и легкие облака, так и за войной не было видно дней прошлого* [Паустовский: 3: 122]).

Представляет интерес метафорическое употребление лексемы *безоблачный*. В большинстве случаев она имеет положительную коннотацию и используется в значении «ничем не омрачаемый» [Большой толковый словарь русского языка 1998]. Например, *мысли были ясные, как безоблачная ночь* [Паустовский: 3: 653], *совершенно безоблачное знакомство с Васо* [Паустовский: 5: 547], *счастье – это нечто безоблачное* [Паустовский: 2: 390].

Однако в некоторых случаях прилагательное *безоблачный* получает отрицательную коннотацию: *Русская литература в его передаче представлялась примитивной и безоблачной* [Паустовский: 4: 219].

Негативную окраску лексеме придает сочетание с атрибутивом *примитивный*.

Заключение

Сочинениям писателя присуща интермедиальность – межсемиотический диалог между разными видами искусства. К. Паустовскому близки живопись и музыка. По его мнению, художники открывают «нам новые черты действительности» [Паустовский: 3: 371]; созерцание живописных полотен приводит к «внутреннему очищению» [Паустовский: 3: 372]. Писатель видит взаимосвязь между музыкальным и «писательским слухом» [Паустовский: 3: 374]. Автор передает свое восприятие художественного исполнения живописных произведений и отношение к личностям знаменитых художников. Например, картина И. Левитана «Над вечным покоем» научила его видеть «все разнообразие красок русского ненастья» [Паустовский: 3: 371]. Он встает на защиту «праздничного» новаторства импрессионистов А. Матисса, В. Ван-Гога, П. Гогена [Паустовский: 3: 372]. В «Маленьких повестях» встречается экфрасис известных полотен И. Левитана («После дождя», «Март» и т.д.) и О. Кипренского (пейзаж «Пруд» и несколько портретов).

Произведения К.Г. Паустовского подтверждают мысль Дж. Торнеса о том, что «небо – это тонко настроенная парадигма союза искусства и науки» [Thornes 1999: 17]. Симбиоз научного и художественного является базисом творчества писателя. Сплав эфемерного и материального, сказочного и реального придает его творениям неповторимую индивидуальность. Облака представляют собой небольшой, но важный и любимый элемент картины мира писателя. «Точные сигналы о погоде» [Паустовский: 2: 16] и сказочная страна с полотен мастеров эпохи Возрождения [Паустовский: 5: 257] – облака транслируют настроение природы, служат украшением ландшафта и символизируют безмятежность и покой.

Библиографический список

Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Облако в символатрии русской культуры // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 4 (29). DOI: 10.34680/2411-7951.2020.4(29).

Афанасьева Н.А. Образные параллели в мифологическом и поэтическом сознании (на примере параллелей с лексемами *гроза, облака*) // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 51–56.

Большой толковый словарь русского языка / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург:

Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/безоблачный> (дата обращения: 21.02.23).

Марков А.В. Возвращение субъективности в теорию: артефакт как проблема // Артикульт. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-subektivnosti-v-teoriyu-artefakt-kak-problema> (дата обращения: 01.03.23).

Мартынова Е.М. Образные цветономинации глаз в художественном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №3(84). С. 90–96. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-3-84-12.

Матич О. К истории облака (Василий Кандинский, Андрей Белый и др.) (пер. с англ. Е.С. Островской) // Новое литературное обозрение. 2011. № 6 (112). С. 211–234.

Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986

Претор-Пинни Г. Занимательное облаковедение. Учебник любителя облаков / Пер. с англ. О. Дементиевской, М. Фаликман. Москва: Livebook 2015. 384 с.

Соколова Л.А., Фархутдинова Ф.Ф. Лексема облако в поэзии К. Бальмонта: особенности словоупотребления // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4-1. С. 372–377.

Юрикова Н.И. О концептуальной персонификации в произведениях Германа Гессе (на примере описания облаков) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 2. С. 143–151.

Damisch H. The Theory of /Cloud/: Toward a History of Painting / Tr. J. Lloyd. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2002. 336 p.

Hamblyn R. Clouds: Nature and Culture. London: Reaktion Books, 2017. 240 p.

Jacobus M. Romantic Things: A Tree, a Rock, a Cloud. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 221 p.

Peters J.D. The Marvelous Clouds: Toward a Philosophy of Elemental Media. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2015. 410 p.

Preter-Pinney G. A Cloud a Day. London: Batsford Ltd., 2019. 368p.

Thornes J.E. John Constable's Skies: A Fusion of Art and Science. Birmingham: The University of Birmingham Press, 1999. 288 p.

References

Abramova V.I., Arhangel'skaya Yu.V. Oblako v simbolarii russkoj kul'tury // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. 2020. № 4 (29). DOI: 10.34680/2411-7951.2020.4(29).

Afanas'eva N.A. Obraznye paralleli v mifologicheskom i poeticheskom soznanii (na primere parallelej s leksemami groza, oblaka) // Mir russkogo slova. 2019. № 1. S. 51–56.

Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] / RAN. In-t lingv. issled.; Sost., gl. red. kand. filol. nauk S. A. Kuznecov. – Sankt-Peterburg: Norint, 1998. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/bezoblachnyj>

Markov A.V. Vozvrashchenie sub"ektivnosti v teoriiu: artefakt kak problema [Elektronnyj resurs] // Artikul't. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-subektivnosti-v-teoriiu-artefakt-kak-problema>

Martynova E.M. Obraznye cvetonominacii glaz v hudozhestvennom diskurse // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №3 (84). S. 90–96. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-3-84-12

Matich O. K istorii oblaka (Vasilij Kandinskij, Andrej Belyj i dr.) (per. s angl. E.S. Ostrovskoj) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 6 (112). S. 211–234.

Paustovskij K.G. Sobr. soch.: v 9 t. M.: Hudozh. lit., 1981–1986.

Pretor-Pinney G. Zanimatel'noe oblakovedenie. Uchebnik lyubitelya oblakov / Per. s angl. O. Dementievskoj, M. Falikman. Moskva: Livebook 2015. 384 s.

Sokolova L.A., Farhutdinova F.F. Leksema oblako v poezii K. Bal'monta: osobennosti slovoupotrebleniya // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2014. № 4-1. S. 372–377.

Yurikova N.I. O konceptual'noj personifikacii v proizvedeniyah Germana Gesse (na primere opisaniya oblakov) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2008. № 2. S. 143–151.

Damisch H. The Theory of /Cloud/: Toward a History of Painting/ Tr. J. Lloyd. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2002. 336 p.

Hamblyn R. Clouds: Nature and Culture. London: Reaktion Books, 2017. 240 p.

Jacobus M. Romantic Things: A Tree, a Rock, a Cloud. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 221 p.

Peters J.D. The Marvelous Clouds: Toward a Philosophy of Elemental Media. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2015. 410 p.

Pretor-Pinney G. A Cloud a Day. London: Batsford Ltd., 2019. 368p.

Thornes J.E. John Constable's Skies: A Fusion of Art and Science. Birmingham: The University of Birmingham Press, 1999. 288 p.